

Эпистолярные связи с полем и производство антропологического знания

Николай Вахтин, Елена Лярская

Письма из поля:

ПРИНЦИПЫ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ШКОЛЫ И СОВЕТСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ¹

Nikolai Vakhtin, Elena Lyarskaya

Letters from the Field: Principles of the Leningrad Ethnographic School and Soviet Realities

Николай Вахтин (Европейский университет в Санкт-Петербурге, профессор; доктор филологических наук) vakhtin@eu.spb.ru.

Елена Лярская (Европейский университет в Санкт-Петербурге, доцент; кандидат исторических наук) rica@eu.spb.ru.

Ключевые слова: история сибирской этнографии, ленинградская школа этнографии, североведение, Богораз, Штернберг, полевая работа, неопределенность, ранние советские годы

УДК: 39+303.822.3

DOI: 10.53953/08696365_2024_190_6_15

С 1918 года бывшие политические ссыльные, этнографы-североведы (вначале Л.Я. Штернберг, затем В.Г. Богораз и другие) начали систематически учить молодое поколение этнографов — до 1925 года в Географическом институте, затем на географическом факультете Ленинградского университета. Учебная программа была нацелена преимущественно на подготовку полевых исследователей и строилась исходя из нескольких принципов: совмещение научно-исследовательской и административной работы на Севере, стационарный

Nikolai Vakhtin (PhD; Professor, European University at Saint Petersburg) vakhtin@eu.spb.ru.

Elena Lyarskaya (PhD; Associate Professor, European University at Saint Petersburg) rica@eu.spb.ru.

Key words: history of Siberian anthropology, Leningrad school of ethnography, Arctic social studies, Bogoraz, Shternberg, fieldwork, uncertainty, early Soviet era

UDC: 39+303.822.3

DOI: 10.53953/08696365_2024_190_6_15

Since 1918, former political exiles, ethnographers and experts in Siberian indigenous minorities L.Ya. Sternberg, V.G. Bogoraz and others began to systematically train the younger generation of ethnographers, first at the Geographical Institute, then at the Geographical Faculty of Leningrad State University. The curriculum was aimed primarily at training field researchers and was based on several principles: the combination of research and administrative work in the North, the longitudinal fieldwork, mandatory knowledge of the languages of the peoples being studied, careful and respectful attitude towards

1 Статья написана в рамках проекта РНФ № 22-18-00238 «Земля храбрых: Преодоление неопределенности при взаимодействии с физической и социальной средой в российской Арктике».

метод исследования, обязательное знание языков изучаемых народов, бережное и уважительное отношение к ним и др. Эти принципы уходят корнями в народническую идеологию, однако в условиях неопределенности и постоянно меняющейся идеологии новой власти 1920-х — начала 1930-х годов они неизбежно начали входить в противоречие с реальностью. В статье на материале писем учеников Богораза и Штернберга своим учителям из поля подробно разбирается процесс адаптации «народнических» принципов ленинградской этнографической школы к новой советской реальности, рассматриваются непростые отношения молодых этнографов и центральной и местной власти.

them, etc. These principles were rooted in the *Narodnaya Volya* ideology; however, in the conditions of uncertainty and the constantly changing ideology of the new government in the 1920s — early 1930s, these principles inevitably began to conflict with reality. The article, based on letters from students of Bogoraz and Sternberg to their teachers “from the field”, examines in detail the process of adaptation of the “populist” principles of the Leningrad ethnographic school to the new Soviet reality, and examines the complicated relationship between younger ethnographers and the central and local authorities.

За последние тридцать лет с легкой руки Юрия Слезкина [Слезкин 1993] общим местом стало противопоставление советской этнографии с ее псевдомарксистским моргановско-энгельсовским эволюционизмом, «этнической историей» и «пережитками» — мировым трендам, от которых она все больше и больше отставала на протяжении почти всего XX века. Эволюционизм, пишет Сергей Кан со ссылкой на историка антропологии Дж. Стокинга, «оставался основным течением в российской антропологии начала XX века, тогда как западноевропейские и американские антропологи относились к нему со все большим скептицизмом» [Кан 2023: 275].

Одновременно в ранней истории советской этнографии противопоставлялись «молодые радикалы» и «старые специалисты»; первым удалось в конце 1920-х годов потеснить вторых [Слезкин 1993: 117—118] и занять позиции «истинных марксистов» (правда, ненадолго)². Как формулирует Т.Д. Соловей,

молодые интеллектуалы-марксисты и их неформальный лидер В.Б. Аптекарь инициировали теоретическую дискуссию. Определили ее характер и направление: марксизм как «единственно верный» научный метод был противопоставлен концептуальным построениям «буржуазной» этнологии [Соловей 2018: 167].

Эта ситуация не способствовала популярности этнографии среди молодежи: полевые этнографические исследования ассоциировались «с изучением отсталых народов и экзотических обычаев» — притом что молодежь 1920-х годов жаждала «настоящего дела» [Слезкин 1993: 114], а «настоящее дело», по мнению «молодых радикалов», в полевых этнографических исследованиях возникло только тогда, когда эти исследования планировались так, чтобы приносить конкретную пользу [Там же: 118—119].

Полагаем, что эти в целом верные тезисы можно уточнить и конкретизировать — чему и посвящена данная статья. Кажется, что спектр идей 1920-х годов не сводился к простому противопоставлению «аптекарского марксизма» и «традиционной этнографии»; этот спектр был разнообразнее и ярче. Мы постараемся показать это на примере того, что сегодня называют «ленинград-

2 См. критику этого подхода в: [Альмов, Арзютов 2014].

ской этнографической школой»³; основатели этой школы, Л.Я. Штернберг и В.Г. Богораз, не только формировали программу обучения этнографов на этноотделении Географического института (после 1925 года — географического факультета Ленинградского университета, ЛГУ), но и, что важнее, планировали полевые исследования своих студентов. Сами «отцы-основатели» первоначально учились этнографии именно в поле, и лишь позже углубляли свои знания, читая специальную литературу (в случае Богоразы — не без помощи Франца Боаса). Их подходы к этнографическим исследованиям начали формироваться в период ссылки: у Богоразы — в результате участия в Сибиряковской экспедиции в 1884—1886 годах (см.: [Сирина 2010]), у Штернберга — в результате работы по переписи населения Сахалина примерно в те же годы [Кан 2023: 72—91], и окончательно сформировались у первого на рубеже веков в ходе Джесуповской экспедиции [Krupnik, Vakhtin 2003; Вахтин 2005]. И если Штернберг «остался до конца верен классическому эволюционизму» [Слезкин 1993: 115], то взгляды Богоразы на этнографию менялись довольно сильно, но так и не стали «марксистскими» в советском понимании того времени (см. подробно: [Вахтин 2023]).

Эти знания и подходы, полученные на рубеже XIX—XX веков, учителя передали своим ученикам (см. об этом: [Арзютов, Кан 2013: 54—55]), однако эта передача происходила в совершенно другую эпоху⁴.

Таким образом, вопрос нашей статьи — как практические принципы полевой работы Богоразы и Штернберга, выстраданные ими в ссылке в 1890-е годы и в последующих экспедициях и вполне адекватные состоянию науки и общества рубежа XIX—XX веков, трансформировались в новых условиях при столкновении с постоянно меняющейся советской реальностью 1920-х — начала 1930-х годов, когда в условиях резко возросшей неопределенности в поле поехали их ученики.

Основной (хотя и не единственный) материал статьи — письма студентов и выпускников этнографического отделения Географического института / географического факультета ЛГУ своим учителям, прежде всего Владимиру Германовичу Богоразу⁵.

Напомним кратко, о каком учебном заведении идет речь. В 1914 году в Петербурге были учреждены частные вечерние Географические курсы, которые из-за начавшейся войны начали работать только в 1916 году; в следующем году при курсах было открыто отделение этнографии, на котором Л.Я. Штернберг прочитал первый систематический курс этнографии. В 1918 году курсы были преобразованы в Географический институт (с двумя отделениями — геогра-

3 Подчеркнем, что здесь мы сосредоточились только на том, что происходило в Петербурге/Ленинграде, оставляя за рамками статьи развитие этнографии в других регионах.

4 «...Кажущаяся единой концепция поля (Богоразы и Штернберга. — Авт.) включала в себя и изменения, которые отчасти были связаны с политическими событиями или решениями властей, а отчасти со скрытой историей рефлексии внутри дисциплины» [Арзютов, Кан 2013: 47].

5 Общий объем известных нам писем — порядка 44 тысяч слов. Большая часть этих писем хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (далее — СПФ АРАН), в фондах Богоразы (Ф. 250) и Штернберга (Ф. 282); в первом фонде писем значительно больше, прежде всего потому, что Штернберг скончался в 1927 году, а большинство писем написано между 1927 и 1932 годами.

фическим и этнографическим), который теперь подчинялся Наркомпросу. В 1921 году в Институте начал работать В.Г. Богораз, сумевший благодаря своим старым связям довольно быстро поставить Институт на ноги в финансовом отношении, найти средства для полевой практики студентов. В 1924 году в Москве был создан Комитет Севера, заметную роль в создании и работе которого сыграл все тот же В.Г. Богораз (см. о нем ниже). В 1925 году Географический институт был присоединен к ЛГУ в качестве географического факультета. В июле 1925 года в ЛГУ по инициативе Комитета Севера было организовано северное отделение, на котором начали обучаться молодые представители северных народов, а в 1926 году при университете был создан Северный рабфак. Почти одновременно в Ленинградском институте живых восточных языков (ЛИЖВЯ) было создано северное отделение (североазиатский семинарий) — снова под руководством Богораза; в феврале 1927 года это отделение было объединено с рабфаком и преобразовано в северный факультет ЛИЖВЯ. В декабре 1929 года северное отделение северного факультета ЛИЖВЯ⁶ стало самостоятельным высшим учебным заведением, Институтом народов Севера (ИНС). В том же году был создан Институт по изучению народов СССР и сопредельных стран — и снова при непосредственном участии Богораза. В 1930 году этноотделение геофака ЛГУ прекратило свое существование, его преемником стал Ленинградский государственный историко-лингвистический институт, выделившийся из ЛГУ; в 1933 году он был переименован в Ленинградский историко-филолософско-лингвистический институт (ЛИФЛИ) с четырьмя факультетами; через три года ЛИФЛИ был вновь возвращен в ЛГУ: философский и исторический факультеты ЛИФЛИ объединены с воссозданным историческим факультетом ЛГУ, а два других факультета образовали филологический факультет ЛГУ. И почти одновременно, в 1930 году, возникла Научно-исследовательская ассоциация Института народов севера (НИА ИНС) и началась подготовка будущих учителей на северном отделении Института им. Герцена⁷. В основе всей этой титанической работы лежало убеждение Штернберга и Богораза в необходимости этнографии (а значит, и профессиональных этнографов) как инструмента социального развития многонационального Советского Союза⁸.

Выпускники и молодые сотрудники всех этих связанных между собой либо синхронно, либо диахронически учреждений, вне всякого сомнения, составляют *сообщество*: они постоянно переписываются, общаются, следят за траекториями друг друга и сообщают своим общим учителям, кто куда назначен на работу, кто где оказался, кто кого встретил...⁹ В письмах учителям студенты, уезжавшие в поле, передают приветы *этноотделению*, спрашивают, как дела на *севфаке*, дают советы, как лучше организовать работу *Комитета Севера* на местах. Для них все эти организации объединены прежде всего фигурой главного адресата их писем — В.Г. Богораза. Их *альма-матер* может называться по-разному, но все эти названия для них родные. И Комитет Севера (КомСев, КомСод, Северный Комитет) для них родное место: их там «тепло

6 Переименованного к этому времени в Ленинградский восточный институт.

7 См. подробно об этой очень запутанной истории: [Альмов, Арзютов 2014; Вахтин 2016; 2023; Вдовин 1991; Гаген-Торн 1971; Кан 2023; Кононов, Иориш 1977; Лукашевич 1919; Лярская 2016; Михайлова 2004; Vakhtin In press].

8 [Liarskaya, Dudeck In press].

9 Краткие сведения об авторах писем см. в приложении.

встречают», они постоянно пишут туда письма и отчеты, они болеют за Ком-Сев, если там что-то, по их мнению, идет не так, они, наконец, дают его адрес в качестве своего для переписки.

СФакковский привет шлет Богоразу Нина Богданова¹⁰. Потенциальный студент пишет, что хотел бы поступать на *Этноотделение*¹¹. Про местного молодого человека пишут, что он «был один год у нас на Севфаке»¹². В 1928 году в письмах появляется упоминания *Научно-исследовательского института*¹³, который «в этнокругах Ленинграда... произвел большой бум»¹⁴. Упоминается и *Институт живых восточных языков, ЛИЖВЯ*¹⁵. В 1930 году к этим названиям добавляется *Институт Герцена*, он же — *северное отделение пединститута*¹⁶. Наконец, в 1931 году в письмах начинает мелькать *Научно-исследовательская ассоциация при ИНСе*¹⁷. «Письма из поля» позволяют, таким образом, увидеть эту систему образовательных и исследовательских учреждений именно как единую систему, как «школу».

Принципы школы

Довольно подробное изложение основных принципов, на которые опирался Богораз и в своей работе, и в преподавании, можно найти в его докладе на совещании этнографов 1929 года. К 1929 году эти принципы уже полностью сформировались и были изложены в опубликованном учебном пособии [Макарьев 1928]¹⁸. Эти принципы можно сформулировать следующим образом¹⁹.

Этнография, как и любая наука, требует жертв. Причем не только физических и психологических, но и сугубо материальных. Неоднократно приводилась цитата Богораз (по воспоминаниям Нины Гаген-Торн): «...этнографом может стать только тот, кто не боится скормить фунт крови вшам» [Гаген-Торн 1971: 140]. «В каком-то смысле артикулирование телесности поля отражало не только опыт ссыльного, но и сам дух народничества» [Арзютов, Кан 2013: 55] — и точно так же, в духе народнического бессребреничества,

-
- 10 СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 4. Ед. хр. 38. Нина Богданова (Серк) — Владимиру Богоразу от 8 февраля 1927 года. Ссылки на оригиналы писем даются в статье единообразно, с указанием названия архива, номеров фонда, описи и дела, имен автора письма и адресата. Название дела может не совпадать с тем, которое значится на обложке; так, в этом конкретном случае название дела в архиве — «Письма Нины Алексеевны Богдановой (Серк) из Владивостока и из с. Каменское».
- 11 Там же. Ед. хр. 132. Владимир Иванчиков — Владимиру Богоразу от 1 мая 1927 года.
- 12 Там же. Ед. хр. 145. Нестор Каргер — Владимиру Богоразу от 4 сентября 1928 года.
- 13 Там же. Ед. хр. 208. Степан Макарьев — Владимиру Богоразу от 20 ноября 1928 года.
- 14 Там же. Ед. хр. 382. Нозми Шпринцин — Владимиру Богоразу от 21 ноября 1928 года.
- 15 Там же. Ед. хр. 208. Георгий Прокофьев — Владимиру Богоразу от 14 декабря 1928 года.
- 16 Там же. Ед. хр. 208. Георгий Прокофьев — Владимиру Богоразу от 29 марта 1930 года.
- 17 Там же. Ед. хр. 61. Григорий Вербов — Владимиру Богоразу от 23 октября 1931 года.
- 18 Не случайно Богораз в начале доклада оговаривает, что эти тезисы «являются результатом нашей пятилетней работы, они были проработаны нашим семинаром... я считаю долгом подчеркнуть, что это не мое индивидуальное творчество, а результат работы нашей ленинградской полевой этнографической школы» [Богораз 2014: 257].
- 19 Эти принципы, хотя и были сформулированы более или менее последовательно в указанных источниках, в значительной степени — реконструкция, сделанная на основе анализа различных текстов, в том числе и текстов писем.

Богораз считал, что материальная сторона не должна особенно интересоваться студентов. Из воспоминаний сына Богораза:

Он любил своих учеников, молодых этнографов. Говорил: «Это все энтузиасты, бессребреники. Этнография — наука неденежная, материального благополучия эта специальность не дает, палат каменных не приобретешь, сидя на Колыме или двигаясь на собаках по снежной пустыне. В эту науку идут лишь юноши и девушки, влюбленные в свою профессию²⁰».

Этнографы в поле должны не только заниматься наукой, но и быть «миссионерами новой жизни».

Мы должны посылать на Север не ученых, миссионеров, миссионеров новой культуры и советской государственности. Не старых, а молодых... только что окончивших курс работников, воспитанных новой советской средой и готовых нести на Север весь пыл энтузиазма, рожденного революцией... Эти молодые работники Северного Комитета должны предварительно получить полное и тщательное научное образование, по преимуществу — этнографическое. Но на Севере их основная работа не научная, а практическая [Богораз-Тан 1925: 48].

Эту мысль Богораз повторял неоднократно, ср.:

Целевая установка новой этнографической школы... с самого начала была направлена на полевое изучение различных народов... Это изучение... соединялось с культурной и общественной работой среди указанных народностей в соответствии с новыми советскими заданиями²¹.

Этнографы не должны ограничиваться только поисками старины. Для Богораза предметом этнографии были не только «традиционные культуры»; в начале 1920-х, в относительно бесцензурные времена, он позволял себе высказывать это открыто, ср.:

Творчество культуры никогда не прерывается. И для новой этнографии, например, русская революция, русская коммунистическая партия, будучи актуальными творцами нового быта, являются такими же объектами этнографического исследования, как и другие бытовые факторы [Богораз-Тан 1924: 6].

(Не думаем, что всего через пять лет мысль, что коммунистическая партия может быть объектом этнографии, могла быть опубликована в советской печати.) Нина Гаген-Торн вспоминает фразу Богораза: «Этнографией можно заниматься всюду... За углом, на канале, стоит баржа с горшками — это уже этнография!» [Гаген-Торн 1994: 258]²².

Этнограф должен знать язык изучаемого народа. Об этом Богораз писал многократно по самым разным поводам; один пример:

Собственное знание языка не может быть заменено работой с переводчиком. Хороших переводчиков вообще не существует. Конечно, переводчик-туземец лучше переводчика-русского, но в общем переводчик мешает работать. <...>

20 СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Ед. хр. 250. Богораз В.В. Воспоминания об отце. Л. 75.

21 Там же. Ед. хр. 174. Докладная записка Этноотделения Геофака ЛГУ. Л. 14.

22 Кажется, что Штернберг не разделял этих взглядов (см. об этом: [Вахтин 2023; Vakh-tin In press]).

Возможен образованный переводчик из местных туземных студентов, но в этом случае переводчик должен явиться этнографом, а приезжий исследователь не нужен [Богораз 2014: 261].

Этнография — наука медленная. Этнографическая работа должна длиться долго, минимум полтора года, чтобы исследователь успел «вжиться» в повседневность изучаемой группы. Богораз называл это «стационарным методом»; этому, собственно, посвящено все выступление Богораз на пресловутом совещании 1929 года²³.

Принципы школы: взгляд из поля

Как виделись эти принципы, выработанные опытом полевой работы 30—40-летней давности в совершенно других социальных и политических условиях, ученикам Богораз? Как эти принципы трансформировались в новой, советской реальности?

Авторам писем, несомненно, были знакомы изложенные выше принципы; многие настаивали на том, что являются учениками Богораз и Штернберга. Так, Николай Шнакенбург писал: «14 тысяч километров позади, осталось еще тысячи две, будем их преодолевать, или буду носить имя Вашего ученика, или уйду с Ваших глаз»²⁴. Ему вторит Владимир Иванчиков: «Постараюсь оправдать имя “учеников Богораз-Тана”»²⁵; «...хотя бы в малой степени продолжать Ваше дело, начатое Вами на Колыме в 1894 году»²⁶.

Своей «жертвенностью» ученики даже слегка бравируют, чтобы не сказать кокетничают. Фразу Богораз о «вшах» вспоминает Константин Бауэрман, добавляя: «пока что воздержусь от описания этих отличных от своих окопных и красноармейских собратий»²⁷, подчеркивая, что для него, побывавшего в окопах, «вши» — никакая не новость. Иванчиков пишет:

Прошел год, как я обитаю в Анадырском районе Камчатки и больше двух лет с тех пор, как я выехал из Ленинграда, с тем чтобы обменять читальный зал Академии Наук на нарту, на полог чукотской яранги и на многое другое. Общий вывод моей двухлетней жизни на севере заключается в отрицании особой принципиальной

23 Известны так называемые «10 заповедей этнографа», написанные Штернбергом в начале 1920-х годов и опубликованные Ниной Гаген-Торн [Гаген-Торн 1971: 142—143]. Конечно, эти «заповеди» отчасти пародийные; из них к реальным принципам школы относятся разве что третья и десятая («3. Не профанируй науки, не оскверняй этнографии карьеризмом: настоящим этнографом может быть только тот, кто питает энтузиазм к науке, любовь к человечеству и к человеку»; «10. Не навязывая насильно исследуемому народу своей культуры: подходи к нему бережно и осторожно, с любовью и вниманием, на какой бы ступени культуры он ни стоял, и он сам будет стремиться подняться до уровня высших культур»). Речь в данной статье не о них, но упомянуть их здесь полезно.

24 СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 4. Ед. хр. 380. Николай Шнакенбург — Владимиру Богоразу от 6 октября 1929 года.

25 Там же. Ед. хр. 132. Владимир Иванчиков — Владимиру Богоразу от 27 сентября 1927 года.

26 Там же. Владимир Иванчиков — Владимиру Богоразу от 19 июля 1928 года.

27 Там же. Ед. хр. 25. Константин Бауэрман — Владимиру Богоразу от 3 октября 1925 года.

разницы между читальным залом библиотеки и чукотским пологом. Ничего страшного, ничего особенного на севере нет. Северной экзотики я не нашел²⁸.

Таким образом, кажется, что те ученики, которые восприняли уроки своих учителей, на первый вопрос ответили однозначно: они были готовы жертвовать собой ради науки, и более того — даже бравировали этим. Однако «материальность» науки повернулась к ним неожиданной стороной.

Экспедиции на Север всегда требовали значительного материального обеспечения. Ученики Богораза — Штернберга не могли рассчитывать только на финансирование Комитета Севера или помощь со стороны научных институций, в том числе и потому, что их экспедиции длились долго. Это и стало одной из причин того, что все ученики Богораза и Штернберга работали в местных администрациях, в органах власти, в школах; им постоянно приходилось бороться за время и возможность заниматься научной работой.

О наших ребятах из Анадыря. Шнак (Шнакенбург. — *Авт.*) на культбазе краеведом. Петров работал год зав[едующим] Усть-Бельской школой. На будущий год едет в кочевую школу в Бельский район. Коровушкин в Апуке. Форштейн на Чауне... Новые работники из Ленинграда — Спиридонов, Соколов. Развертываем сеть кочевых школ. Подготавливаем переход на обучение на туземном языке²⁹.

Совмещать эту практическую работу с наукой трудно: «Несовместимые вещи наука и служба, и я решил, что надо избирать одно, нет сил для обеих вещей»³⁰. Эти два вида деятельности часто оказываются разделены и пространственно: чтобы заниматься наукой, нужно ехать «в глубинку», а местные власти стараются удержать этих образованных, молодых и энергичных людей в местных центрах, поручить им административную, канцелярскую работу: «Я так загружен разной мелочной работой, потому что исполняю 4 должности: секретаря, уполтуза³¹ и т.д. <...> В общем они меня думают использовать и по работе в районах, и у себя в Александровске»³²; и в следующем письме:

Я от работы при Ревком отказался. Отпустили с неохотой... Я поступил на службу в Окроно и не позже числа 10/III — выезжаю на мою основную работу: завхоз Туземной школы на Хандузе около Чайво (подчеркнуто в оригинале. — *Авт.*). Говорить о том, как я рад такому месту, не приходится. Честное слово, легче на Сахалине в Александровске сделаться важной шишкой, чем попасть в такую дыру в дыре. ...я далеко не уверен, что они не пожелают мне оказать великого благодеяния, забрать обратно в Ревком в Александровске. Я себя самым категорическим образом хочу оградить от всяческих вылазок по отношению к моей особе. Я Ревкому нужен, а работа, которую они мне могут предоставить — это 1—2—3 месяца канцелярщины и 2-х—3-х-недельный выезд за это время к гилякам в район. Достаточно я уже их работы повкушал... Сейчас я наконец нашел то, к чему стремился, т.е. работу среди гиляков Восточного берега Сахалина³³.

28 Там же. Ед. хр. 132. Владимир Иванчиков — Владимиру Богоразу от 19 августа 1931 года.

29 Там же.

30 СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. Ед. хр. 154. Юрий Крейнович — Льву Штернбергу от 20 августа 1927 года.

31 Уполномоченный Комитета Севера по делам туземцев.

32 Там же. Юрий Крейнович — Льву Штернбергу от 30 июня 1926 года.

33 Там же. Юрий Крейнович — Льву Штернбергу от 3 августа 1926 года.

А. Форштейн писал:

...в июне уезжаю на Чаун. Оставаться в Хабаровске бесцельно. Вести какую-либо научную работу нельзя, перегружен служебной работой. Работа в Далькрайоне и в Комитете Севера (приходится «добровольно» и в нем работать) отнимает весь день, а большей частью и вечер. За 3 месяца ничего не сделал. Эскимосы (то есть рукопись книги об эскимосах. — *Авт.*) без движения, дипломка также и многое, многое другое. Быть только администратором мало желательно. Решил ехать вновь на Север, поработать и вернуться через 3 года... Уехать очень тяжело. Не отпускают. Все как сговорились, требуют моего оставления в Хабаровске. Борюсь³⁴.

О том же — большое письмо Прокофьева, в котором он подробно объясняет Богоразу, почему не хотел бы работать преподавателем в ЛИЖВЯ: он уже три года преподает в школе и ощущает эту работу как бездарно потраченное время³⁵.

Подобных жалоб множество во всех письмах:

Я волею судеб изображаю из себя заведующего окружным отделом Народного образования. Это может быть, и почетно, но слишком тяжело, особенно когда исполняешь эту работу против своего желания. Я приехал сюда на должность инструктора и надеялся, что буду иметь достаточно свободного времени для этнографии. Но мой зав[едующий], ташкентской студент, уговорил меня остаться, уехал в отпуск и из отпуска не вернулся. По сему случаю меня в принудительном порядке оставили в Гарме и в принудительном же порядке заставили заведовать Окроно³⁶.

Работа на Севере, кроме того, оплачивается лучше; иногда поле — единственная возможность свести концы с концами. Так, Г.Н. Прокофьев уехал из Ленинграда на Север второй раз потому, что в Ленинграде ему было не прожить; он писал Богоразу: «К сожалению, работа моя идет урывками, без выдержанной системы. Причиной этому является главным образом моя материальная необеспеченность. Я имею 60 р. в Университете и 40 р. на Севфаке. Этого мне, конечно, мало. Недостает 60—70 руб.»³⁷

Обратим внимание, что в это время все экспедиции всегда имеют финансирование больше чем из одного источника, и тем не менее все письма переполнены жалобами на недостаток денег для работы, для покупки коллекций, рассуждениями о возможностях послать или как-то иначе передать деньги, оплатить проезд и т.п. Г.М. Василевич пишет, что готова продлить пребывание в поле, если будут деньги для того, чтобы обеспечить мать на время ее отсутствия. Обсуждать необходимое финансирование — не стыдно, обсуждать свои денежные дела в переписке с профессором — нормально. Но очевидно, что стыдно хотеть «излишнего» комфорта, бояться трудностей, пытаться за-

34 СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 4. Ед. хр. 351. Александр Форштейн — Владимиру Богоразу от 8 апреля 1930 года.

35 Там же. Ед. хр. 208. Георгий Прокофьев — Владимиру Богоразу от 14 декабря 1928 года.

36 Там же. Ед. хр. 398. Коля — Владимиру Богоразу от 4 июля 1930 года. О том же см. в письмах Владимира Богоразу к Владимиру Вецкактину от 21 января 1931 года (Там же) и Владимиру Иванчикову от 19 августа 1931 года (Там же. Ед. хр. 132).

37 Там же. Ед. хр. 208. Георгий Прокофьев — Владимиру Богоразу от 20 декабря 1928 года.

работать на науке, стыдно выбирать место, исходя из его финансирования/снабжения, а не научного интереса или твоей нужности в этом месте. Ср. в письме отправляющегося на Сахалин Крейновича Штернбергу о своем спутнике: тот

истербил меня вопросами, а есть ли мука, картошка, мясо и т.п. и решивший [sic!] ехать, к моему несчастью, на Сахалин только из-за того, что там платят 112 р[ублей] 50 коп[еек], а в лучших климатических условиях в Талачах только 80 руб[лей]. Что это за работники? Не думаю, чтобы Вам были приятны этнографы, работающие только из-за денег³⁸.

Закончим эту тему следующей иронической цитатой:

А пока я работаю в Далькрайоне и строю мифическую школьную сеть на фольклорном денежном материале, Шавров проводит интернациональную (в вавилонском смысле) политику, секретарствует в Дальневосточной энциклопедии, а К. Форштейн (†Мыльникова) и Л. Шаврова просвещают туземцев за стенами т[ак] н[азываемого] Тузтехникума, но надеются месяца через полтора всех распустить³⁹.

Отношения с властью

Еще одна тема здесь — отношения молодых этнографов с местным начальством. Молодые «миссионеры новой жизни» ехали на Север не только ради науки, но и чтобы защитить тех, кого тогда называли «туземцами», от некомпетентной и корыстной местной власти, от старых и новых эксплуататоров. Опирались они при этом могли почти исключительно на Комитет Севера при ЦИК СССР и его местные отделения: все остальные, в том числе и советские «госторг» и «охотсоюз», рассматривались ими часто как противники, думающие только о прибыли. Естественно, что эта неприязнь была взаимной.

Вот как Крейнович описывает свой первый приезд в деревню, еще не на Сахалин:

Приехав в Голую Пристань, я в первую очередь начал разговаривать с партийцами и вообще с людьми, знающими район. Знают они, по-видимому, поверхностно район, но то общее, что они мне могли сообщить, было действительно радостно. Новая деревня, новый край. Когда же я познакомился с массовыми растратами, преступлениями председателей сельсоветов, самим крестьянством, таким серым, что серость его отталкивает от более близкого знакомства с ним, тогда изменились и мои мысли и даже отношение к работе⁴⁰.

Нестор Каргер пишет Богоразу, что был очень удивлен и расстроен, когда узнал об отчислении двух студентов Севфака «за неспособность»:

38 СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. Ед. хр. 154. Юрий Крейнович — Льву Штернбергу от 20 августа 1927 года. Адресата письма уже нет в живых, но Крейнович этого еще не знает.

39 СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 4. Ед. хр. 351. Александр Форштейн — Владимиру Богоразу от 12 марта 1930 года.

40 СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. Ед. хр. 154. Юрий Крейнович — Льву Штернбергу от 12 августа 1925 года.

Насколько я знаю, до сих пор таких исключений не было, и я полагаю, что их и не следовало делать. Исключить туземца за неспособность — это значит распяться в собственной беспомощности. Демонстрировать же такую беспомощность перед местными властями и учреждениями, и без того настроенными весьма враждебно к Севфаку, это значит пилить сук, на котором сидишь. Не говоря уж о том, что исключенные чувствуют себя обиженными, и в лице их мы вряд ли будем иметь сторонников туземного образования⁴¹.

Владимир Вецкактин пишет об условиях своей работы, которые,

исходя из образовавшихся здесь взаимоотношений со «всякими начальниками» труднопереносимы... в результате я безусловно наживу крупные неприятности, т[ак] к[ак] попадаю в заколдованный круг: руководителей колхозы не имеют — мне нужно сидеть в колхозах — пока находишься среди колхозников, дело б[ыть] м[ожет] клеится, уедешь — разлаживается. Но без счетной работы нельзя руководить колхозом — садишься за счетоводство — страдает вся оргработа и дело начинает пахнуть оргвыводами, не проверяешь счетной работы (а проверки нужно делать по системе двойного счетоводства) — могут пришить дело за недоучет финансовых возможностей колхоза, а отсюда уже можно говорить и о развале финансового состояния. Ну, что я могу один сделать, имея три колхоза + два, которые мне на днях дали... Помощи в работе никакой, а требования чрезмерные. Политика по отношению к туземцам — ниже всякой критики: вырабатываются иждивенцы, разводятся собесовщина. Результатом такой политики здешняя камарилья и приезжающие гастролеры создают себе дешевый авторитет. Бороться с этим явлением не в силах — железная дорога в 2000 верстах — но очень трудно бездейственно на все это смотреть. — С здешними гавриками у меня отвратительные отношения, но страдаю, конечно, я⁴².

В аналогичную ситуацию попали и Вербов⁴³ и Шнакенбург, обвиненный чуть ли не в хищениях, когда он открыл брошенную директором факторию на мысе Северном и начал принимать пушнину и в обмен выдавать населению продукты. Он был вынужден обратиться к Богоразу как к представителю Комитета Севера:

Очень благодарен Вам за поддержку. Сейчас все обстоит вполне благополучно... Что ко мне отношение было хамское, то сущая правда. Сейчас многие стараются кое-как это замазать, так как дело повернулось в мою сторону нежданно-негаданно. От Тевлянто⁴⁴ я прямо не ожидал к себе плохого отношения⁴⁵.

41 СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Ед. хр. 174. Нестор Каргер — Владимиру Богоразу от 9 июня 1929 года.

42 Там же. Оп. 4. Ед. хр. 398. Владимир Вецкактин — Владимиру Богоразу от 21 января 1931 года. Здесь и далее орфография и пунктуация автора сохранены.

43 Там же. Ед. хр. 61. Григорий Вербов — Владимиру Богоразу от 7 апреля 1930 года.

44 Тевлянто — один из первых представителей коренных жителей Чукотки, получивший образование в Ленинграде на северном факультете; в 1934 году стал председателем Чукотского исполкома.

45 СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 4. Ед. хр. 380. Николай Шнакенбург — Владимиру Богоразу от 25 августа 1931 года. Это вообще интересная тема, обсуждать которую здесь не место: отношения между молодыми этнографами, поехавшими на Север, чтобы работать на благо «туземцев» и одновременно их изучать, и самими этими «туземцами», получившими образование на северном факультете в Ленинграде. Приведем цитату из письма первого юкагирского ученого-этнографа, студента ИНСа Николая

Наконец, и сам «народ», те самые «туземцы», работать на благо которых ехали на Север молодые этнографы, не всегда встречали их радостно. Были, конечно, среди «туземцев» люди, благодарные за то, что их учат, им помогают; Валентина Мельникова пишет с Чукотки: «Вначале все очень скептически, недоверчиво относились к чукотской письменности и к букварям... Теперь изменилось... В этом мы уже убедились, ибо чукчи с восторгом принимают вести о их грамоте»⁴⁶. Однако чаще встречаются жалобы на негативное отношение («Народ недоверчивый, очень скрытный и не особенно приветливый»⁴⁷), на пьянство населения⁴⁸ и т.п. Каргер сообщал Богоразу о последствиях введения «сухого закона»,

благодаря которому стоимость бутылки водки здесь колеблется между 5 и 10 рублями, повышаясь иногда в более отдаленных районах до 20—25 рублей и даже «олень за бутылку». Местный кооператив продает некоторые медикаменты, но кажется, кроме касторки там ничего не осталось. Все выпили остяки. Особенно большим спросом пользуется валерианка, которую остяки пьют пузырьками⁴⁹.

В общем, «зрелище бедствий народных», к которому нам при нашей специальности следовало бы привыкнуть, и во всяком случае не стоять перед ним в недоумении, почесывая затылок, и тем не менее в таком именно состоянии нахожусь я»⁵⁰.

Иногда в этих письмах все выглядит так, что администрирование, работа в школах или борьба с косностью и хищениями на местах лишь досадные препятствия на пути к занятиям наукой. Однако в них постоянно встречается слово «только»: корреспонденты не согласны заниматься «только» педагогикой, «только» канцелярщиной и службой. Кажется, что это не случайно.

Если выйти за пределы корпуса писем, то окажется, что ученики бывших народников воспринимают работу в структурах нового государства как одну из своих задач. Так, в ходе дискуссии этнографов Москвы и Ленинграда

Спиридонова Богоразу от 11 июня 1927 года: посвятив несколько страниц своего письма жалобам на то, что ему мало платят и не берут его в совместные проекты, автор продолжает: «Очень недоволен тем, что вы командировали в Хабаровск гр[ажданина] Форштейна, это определенно антиобщественный элемент, авантюрист, карьерист. Не дай бог если он попадет на Колыму, ибо он туземец расположить к себе не сумеет, ибо его натура такова и вообще его отношение к людям и в особенности кто с ним не в “состоянии” говорить, т.е. такой же “длинноязыкий” как и он сам, ужасное, нестерпимое. У него — одна цель поездки, это заработать деньги за счет туземцев, собрать материал и на всех парах бросив всю “учительскую работу”, — удрать. Таких мы не любим» (Там же. Ед. хр. 313). Но это, повторим, отдельная тема.

46 Там же. Ед. хр. 398; Ед. хр. 219 (продолжение письма). Валентина Мельникова — Владимиру Богоразу от 1932 года.

47 Там же. Ед. хр. 145. Нестор Каргер — Владимиру Богоразу от 4 сентября 1928 года.

48 СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. Ед. хр. 154. Юрий Крейнович — Льву Штернбергу от 3 августа 1926 года.

49 СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 4. Ед. хр. 145. Нестор Каргер — Владимиру Богоразу от 4 сентября 1928 г. Не только в письмах — в полевых дневниках молодых этнографов, которые мы в данной статье не используем, также постоянно встречается мотив пьянства. Один пример из дневника Н.П. Дыренковой, описывающей пьяных хозяев в юрте, см. в статье: [Арзютов, Кан 2013: 60].

50 СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Ед. хр. 174. Нестор Каргер — Владимиру Богоразу от 13 ноября 1928 года.

в 1929 году тот же самый Прокофьев, который за год до этого жаловался на усталость и невозможность научной деятельности, говорил:

Я... сам три года был на административной работе среди самоедов и в то же время изучал их с точки зрения этнографа. Административная работа сама по себе несколько не препятствует исследовательской работе, правда, на этнографию иногда накладывается бухгалтерская работа, но это хорошо, *поскольку не мешает* (курсив наш. — Авт.). Сама культурная работа среди данной народности не только не мешает, а чрезвычайно способствует исследовательской научной работе... именно путем культурной работы среди туземцев мы добываем то доверие, которое нам необходимо, и только этим путем мы его добьемся (цит. по: [От классиков к марксизму 2014: 323]).

Ему же вторит Крейнович, тот самый, который в 1926 году надеялся избавиться от лишних должностей:

...мы не являемся чиновниками в поле. Мы являемся там культурными работниками, а не чиновниками... Практическая работа... не вредит этнографической. В ней мы сживаемся с туземцами... Мы едем к ним в дома, живем с ними, а не приезжаем как гастролеры и не смотрим сверху вниз» [Там же: 305].

И далее: «...мы, работающие стационарным методом, не белоручки. Мы занимаемся не только научной работой, но и культурной... Мы не были гастролерами, не ходили в белых перчатках» [Там же: 307]. Нетрудно заметить, что себе в заслугу они ставят именно то, на что жаловались в письмах.

Примечательно также, что в этих выступлениях ученики Богораза и Штернберга возражают своим московским коллегам, которые как раз предлагали избавиться ученых в поле от необходимости педагогической или административной работы путем увеличения финансирования этнографических экспедиций.

Конечно, следует учитывать жанровые особенности источников — одно дело выступление в прениях на совещании, и другое — письма к уважаемому и любимому учителю, в которых можно пожаловаться на трудности и попросить помощи. Однако факт остается фактом: молодые ученые со всем пылом защищают культурную работу как основу деятельности своей этнографической школы. Можно предположить, что за время полевой работы ученики убедились в том, что учителя были правы и затраты времени на «культурную работу» окупаются. Вся совокупность данных позволяет утверждать, что для молодых этнографов практическая административная работа или преподавание — не «просто» препятствие к занятию наукой или «только» средство заработать деньги для экспедиции. Эта сторона полевой этнографии осознается как методологический принцип, позволяющий сблизиться с местным населением, завоевать его доверие, и в то же время как часть той жертвы, которую необходимо принести на алтарь науки, а эта жертвенность также осознавалась как часть «миссионерства».

Эти же мотивы — миссионерства, жертвенности и служения — мы можем обнаружить и в других сюжетах, затронутых в письмах. Так, уже упомянутая борьба с некомпетентным и недобросовестным местным начальством или с недружелюбным отношением местного населения — это часть борьбы за правильный мир. Как писал в конце 1920-х годов Крейнович Штернбергу: «Между прочим, Сахалин чистят. Секретарю Окр[ужного] Ком[итета] ВКП предложили из Хабаровска в 24 часа выбраться с Сахалина. Он вылетел, как из пушки.

Следом за ним и другие. Слава всевышнему, поредеет мразь, и быть может придут на их место люди»⁵¹. Те же интонации звучат в письме Вербова Богоразу:

...вполне очевидно, что здесь, на окраинах, работники, к сожалению, не смогут без давления сверху правильно разбираться в этом вопросе. Ведь, в конце концов, Ненецкий округ не на Луне и можно, мне кажется, безобразию положить конец. Надо полагать, что национальная политика имеет поле работы в местах, лежащих за пределами московских и ленинградских пригородов. Думаю, что Н.И.А. может поднять этот вопрос через Комитет Севера в Совете национальностей, т.к. дело идет не о случае, а о явлении, и при том не новом⁵².

Вряд ли народники XIX века могли возлагать подобные надежды на помощь со стороны царской администрации. Ученики Богоразы и Штернберга действуют в иных условиях, и это преобразует для них идеалы их учителей. Хотя Богораз называл экспедиции своих учеников на Север «добровольной ссылкой», ни в одном из писем его учеников мы не встречаем такого сравнения. Пафос борьбы с народными бедами, с несправедливостью, который мы видим в письмах, вполне народнический, однако после революции работа на благо «туземцев» воспринимается этнографами как *общее с властью дело*, и посланные миссионеры надеются на то, что «центр» разъяснит местным кадрам, как правильно работать. В этот период они видят себя не столько «добровольными ссыльными», сколько агентами государственных структур (прежде всего Комитета Севера).

Поэтому и службу в административных структурах они не воспринимают только как досадную помеху. Этим также объясняется и еще одно отличие между положением учителей и учеников: ученики жалуются на то, что из-за занятости «административной работой» у них не хватает времени на науку, а у ссыльных народников, как вспоминал Богораз, времени как раз было в избытке⁵³.

Объект исследования

С одной стороны, очевидно, что у многих молодых этнографов сохраняется устойчивый интерес к «чистым», удаленным, редким, «самобытным» группам. В полном соответствии с заветами «антропологии спасения» (см.: [Кузнецов 2018]) они стремятся увидеть, понять и зафиксировать то, что скоро может исчезнуть, хотя это и не всегда удается. Показательна в этом отношении

51 СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. Ед. хр. 154. Юрий Крейнович — Льву Штернбергу от 16 мая 1927 года.

52 СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 4. Ед. хр. 61. Григорий Вербов — Владимиру Богоразу от 23 октября 1931 года.

53 Ср. жалобы из поля на острую нехватку времени с высказыванием Богоразы по поводу жизни политических ссыльных: «Мы имели много досуга в течение 10 или даже более 10 лет, а за 10 лет много можно сделать» (цит. по: [Богораз 2014: 262]). Письма Богоразы из ссылки полны жалоб на отсутствие событий, безделье и скуку; Богораз тяжело переживал, как он выражался, «жизнь на обочине», когда приходилось питаться «духовной жизнью Святого Антония» и смотреть, как жизнь проходит мимо (ср.: СПБФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. Ед. хр. 34. Богораз — Штернбергу от 4 ноября 1895 года).

фраза из письма Крейновича Штернбергу из деревни Чулаковка Херсонской губернии, где он был «на практике»: «По Вашим заданиям ничего собрать нельзя. Кроме бледных представлений о домовом, тут ничего не осталось»⁵⁴. То есть Штернберг требует от студента «нормальной традиционной этнографии», но ее не обнаруживается. И выше в том же письме:

Думаю привезти следующие материалы: 1) землеустройство; 2) селькорство; 3) голод в селе за 21—22 гг.; 4) жизнь молодежи села в ее же описаниях; 5) автобиографии; 6) заговоры и т.д. Последние очень трудно собирать. Обыкновенно шепчуха тут знает 1—2 заговора, так что мне удалось собрать всего лишь 9 заговоров.

Кроме последнего пункта, эта «этнография» скорее богоразовская, чем штернберговская; впрочем, уже через год Крейнович меняет подход и становится верным (и любимым) учеником и последователем Штернберга и сторонником эволюционизма.

Или еще: «В области духовной культуры (если не считать фольклора) сделано мало, но это не по моему неумению, а в силу моего довольно близкого пребывания в припечорской тундре, где под влиянием русской культуры самоеды очень быстро теряют свою самобытность», — и далее: «В области материальной и социальной культуры я сделал все, что мог, но что можно сказать особенно много о последней, когда сами почти совершенно оставили родовой быт?»⁵⁵

Иными словами, «туземцы» почему-то не желали «сохранять традицию»; культуры меняются, традиционные артефакты заменяются на современные, религиозные представления забываются.

За эти 30 лет произошли большие изменения в жизни гияльков. Не найдете Вы в таком большом количестве деревянную посуду, она имеется только у немногих; гияльки по-новому запрягают собак, ездят на иных, чем при Вашем пребывании, санях... Сейчас наиболее интересные места — это восточный берег. Надо бежать туда и там стараться собрать все наиболее ценное, что могут они этнографии дать. Думаю, Л.Я., восточный берег сделать основным местом своей работы...⁵⁶

Стремление к «самобытности» означало попытки забраться как можно глубже, туда, куда «не ступала нога этнографа»⁵⁷. Вот письмо Владимира Веццакина, почти целиком посвященное безуспешным поискам «самобытности

54 СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. Ед. хр. 154. Юрий Крейнович — Льву Штернбергу от 12 августа 1925 года.

55 СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 4. Ед. хр. 398. Владимир Веццакин — Владимиру Богоразу от 14 октября 1921 года.

56 СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. Ед. хр. 154. Юрий Крейнович — Льву Штернбергу от 3 августа 1926 года.

57 Вот три короткие цитаты: «Группа остяков — подкаменная — самая большая и, пожалуй, наиболее сохранившаяся...» (СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 4. Ед. хр. 145. Нестор Каргер — Владимиру Богоразу от 4 сентября 1928 года); «Возможно, что в августе попаду в район Кары, где есть рода, совершенно не выходящие к поселениям. Об их существовании известно только понаслышке» (Там же. Ед. хр. 61. Григорий Вербов — Владимиру Богоразу от 5 мая 1930 года); «Возможно, что я два, три станка проеду дальше Хатанги, главным образом для того, чтобы увидеть загороди для промысла диких оленей. Способ старинный, не сохранившийся в близких районах» (Там же. Ед. хр. 263. Андрей Попов — Владимиру Богоразу от 23 февраля 1931 года).

и этнической чистоты»: я очутился, пишет он, «почти совсем вне юракского населения: те самоеды... у которых я был в начале зимы, по языку и быту отличаются от юраков, представляя собой определенную этническую группу, с которой часть юраков ассимилировалась, но в целом эта группа подвергается процессам обрусения», — и далее: «По характеру работы я больше всего нахожусь среди долган, прекрасно изученных уже Поповым, и русского населения — верховского, потерявшего свою самобытность»⁵⁸.

Ситуация осложняется еще и тем, что молодые этнографы видели себя «миссионерами» новой культуры, но не просто, а особым образом подготовленными. С их точки зрения, их расточительно использовать для работы среди русских Оксина или на культбазе, где нет «настоящих» самоедов. Для того чтобы работать среди русских, или коми, или обрусевших эвенков, их специальная квалификация не нужна, а вот работу среди «настоящих туземцев» за них, по их мнению, никто не сделает. (На одном из проектов программы краеведческой работы на культбазах дописано карандашом: «Культбаза есть постоянно действующая экспедиция!», — и подпись: «Тан-Богораз»⁵⁹. Эта заметка на полях показывает, насколько важно было для Богораза устроить работу культбаз так, чтобы соединить как равноправные исследовательскую и практическую деятельность.)

Есть небольшое число писем, в которых изредка мелькает мысль о ценности любых объектов исследования, даже «смешанных и потерявших самобытность». Андрей Попов пишет о смешанном характере населения Таймыра «от Дудинки до Волочанки и от Волочанки до Хатанги»: «одолагившиеся тунгусы и якуты», «затундренные крестьяне» и другие, и далее: «Все эти народности почти ничем не отличаются от долган, названия имеют только историческое значение для выяснения этнического их происхождения»⁶⁰. Целью его исследований было не только получение классических этнографических сведений: он, кроме того, «изучил детский быт, много произвел фольклорных записей, составил этнографическую карту самоедов и долгано-якутов; более всего собрал сведений по шаманству»⁶¹. Есть одна фраза в письме Бауэрмана, перекликающаяся с уже цитированной мыслью Богораза о том, что «русская революция, русская коммунистическая партия являются такими же объектами этнографического исследования, как и другие бытовые факторы», и хочется сказать: вот настоящий ученик Богораза! «При просмотре дел Губкома и в особенности докладов ревкомов с мест — это целая этнография; только бери и записывай, что я, хоть и не всегда, и делал»⁶². Однако таких высказываний существенно меньше, чем «поисков самобытности и чистых культур».

Смыкаются с этой темой и рассуждения о том, кого можно и нужно учить в туземных школах и кого можно и нужно привозить в Ленинград. Здесь тоже

58 Там же. Ед. хр. 398. Владимир Вецкактин — Владимиру Богоразу от 21 января 1931 года. О том же см. письмо Григория Вербова Владимиру Богоразу от 2 января 1932 года (Там же. Ед. хр. 61).

59 Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-3977. Оп. 1. Ед. хр. 588. Л. 105. Цит. по: [Мочалова 2024: 149].

60 СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 4. Ед. хр. 263. Андрей Попов — Владимиру Богоразу от 23 февраля 1931 года.

61 Там же.

62 Там же. Ед. хр. 25. Константин Бауэрман — Владимиру Богоразу от 3 октября 1925 года.

ищут «настоящих», «чистых»: «Для отправления на Рабфак из Турух[анского] края подыскивают чистых туземцев»⁶³. О том же — Вербов:

...завтра начинаем занятия в ненецком техникуме... По наметкам Наркомпроса нужно было в первый год принять 50 человек ненцев, а в результате их принято около 10-ти человек... Впрочем, местные работники пребывают в приятной уверенности, что 2—3 десятка Хатанзейских и Вылок с Ижмы и (если фамилия Вылка с большой буквы, то и Хатанзейских лучше тоже, наверное с большой). Колвы, благодаря их фамилиям и смуглым физиономиям, — представляют собой отличный контингент националов⁶⁴, —

с чем автор письма категорически не согласен.

Может показаться, что здесь нарушается один из базовых принципов богоразовской школы — стремление к изучению современности. Но речь здесь идет не столько о «нарушении», сколько о поиске нового баланса между разными принципами этой школы.

С одной стороны, этнограф, интересующийся современностью, может и должен изучать, как живут «комифицированные» ненцы или обрусевшие нивхи или эвенки, но он же, как «миссионер новой жизни», как защитник слабых, должен найти «чистых» туземцев, выучить их язык, создать для них письменность, составить буквари и учебники. Этнографу могут быть интересны или неинтересны смешанные типы, но «миссионеры» обязаны искать единственно правильный объект приложения своих усилий — того, на кого должна быть направлена помощь (в современной литературе эта позиция называется позитивным действием (affirmative action) [Martin 2001] или state-sponsored evolutionism⁶⁵ [Хирш 2022]). «Миссионер» обязан работать с теми, кто, с точки зрения этнографической корпорации, без этой помощи не справится, не получит ни защиты, ни школ, ни «культуры». Кроме того, если не «классовое», то социальное расслоение несомненно существовало на Севере, и некоторые группы (например, коми) воспринимались как эксплуататоры, а их соседи ненцы — как эксплуатируемые. Этнографов мало, работы много, и в силу неотложности задач в центре внимания должны оказаться именно «чистые» туземцы.

Это перераспределение «удельного веса» принципов в школе Богораза связано с появлением «народной власти», которая уже что-то делает для народов Севера. Обрусевшие, или те, у которых уже появилась собственная интеллигенция, с помощью Советского государства смогут справиться сами. А вот те, кто остался в «естественном» состоянии, нуждаются в помощи «миссионеров». Более того, с точки зрения этнографов здесь не было никакого противоречия — ведь они, этнографы, и есть носители современности. Их можно, если использовать биологическую метафору, назвать «вирусами модерна», которые призваны «заразить» современностью «чистых» туземцев, а затем изучить эту новую современность, результат собственной деятельности. Они стремились сблизиться с людьми, среди которых жили, чтобы лучше их понять и завоевать доверие, но хотели не раствориться в изучаемом, а вести «культурную работу», которая предполагала просвещение, привитие навыков гигиены

63 Там же. Ед. хр. 56. Глафира Василевич — Владимиру Богоразу от сентября 1927 (?) года.

64 Там же. Ед. хр. 61. Григорий Вербов — Владимиру Богоразу от 23 октября 1931 года.

65 В неточном русском переводе — «поддерживаемое государством развитие» (точнее было бы «эволюция при поддержке государства»).

и санитарии, устройство более справедливых социальных отношений, в том числе и с «центром».

Знание языка

Убеждение своих учителей, что без знания языка этнографу в поле делать нечего, все студенты, кажется, впитали твердо. Все пишут о своих более или менее заметных успехах в освоении языков местного населения, все жалуются на свое недостаточное знание местных языков, многие — на то, что местное население не говорит по-русски: «Мои лингвистические познания чукотской группы языков Вам известны. Меня их состояние удручает чрезвычайно»⁶⁶; «Этнографического материала здесь (в Горной Шории. — Авт.) масса, но получить его крайне трудно, никто не говорит по-русски»⁶⁷; «Займусь изучением чукок этого района, наиболее мало исследованных. В Апуке изучу корякский язык»⁶⁸; «Что касается языка, то распространяюсь о своих достижениях в этой области перед Вами мне не придется; Вы и так знаете, что без юрацкого языка я из тундры не вернусь»⁶⁹; «...по этнографии почти ничего не сделал, кроме некоторого усвоения эскимосского языка»⁷⁰.

Местные языки осваивать трудно, прежде всего из-за отсутствия словарей и учебных пособий. Учить язык по фольклорным записям не всегда удобно; вот прелестная цитата из письма Нины Богдановой Богоразу:

Затем должна сказать, что занимаюсь изучением чукотского языка по фольклорным записям — занятие мерзопакостное. Ну сами посудите, у Вас из фольклорных записей 50% слов выкинуть надо, если не больше. И все это слова, которые уважаемые чулки в разговорном языке не употребляют. Почему Вы не издали словарь à la Пекарский? По крайней мере нам грешным душам не надо было бы загружать голову ненужными словами и затем в аду нам бы лучше было, а то ругаемся мы больно и жарить нас больше будут⁷¹.

Конечно, в поле изучение местных языков идет гораздо легче, чем в классе: «Я удивляюсь теперь, почему так туго шло в ИНС(е) с языком», — и далее: «С языком дела идут, к удивлению самой, успешно. Надеюсь вернуться настоящей чулкой»⁷².

Однако и здесь ситуация за тридцать лет существенно изменилась. Язык все более воспринимается как уже не единственное средство получения этно-

66 СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. Ед. хр. 33. Нина Богданова (Серк) — Льву Штернбергу от 15 мая 1926 года.

67 СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 4. Ед. хр. 112. Надежда Дыренкова — Владимиру Богоразу от 31 августа 1926 (?) года.

68 Там же. Ед. хр. 132. Владимир Иванчиков — Владимиру Богоразу от 6 октября 1929 года.

69 Там же. Ед. хр. 208. Георгий Прокофьев — Владимиру Богоразу от 4 января 1930 года.

70 Там же. Ед. хр. 219. Георгий Мельников — Владимиру Богоразу от 2 сентября 1931 года.

71 СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. Ед. хр. 33. Нина Богданова (Серк) — Льву Штернбергу от 17 января 1927 года.

72 СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 4. Ед. хр. 220. Валентина Мельникова — Владимиру Богоразу, не позже 1932 года.

графических сведений — местное население кое-где уже неплохо говорит по-русски, в крайнем случае можно и переводчика нанять:

...я круто, и даже слишком круто переменял программу своих работ. Изучение языка отошло у меня на второй, пожалуй, даже на третий план. Но ведь язык был для меня не целью, а средством. Цель я достигаю, минуя его... Между прочим, для предварительной обработки собранного материала я нанял самоедку, прекрасно владеющую русским языком⁷³.

«Стационарный метод»

Кажется, что это — единственное положение Богораза и Штернберга, не потребовавшее переосмысления в новой реальности. Все авторы сохранившихся писем хотели пробыть в поле подольше; многие жалуются на то, что краткие поездки «не дают... стационарности, так необходимой... для начала работы среди гиляк»⁷⁴. Срок в два-три года считается достаточным: «Летом [19]30-го года я предполагаю отправиться на Корякскую культбазу и прожить там года три (Лида такой срок не очень одобряет, но надо думать, все же решится ехать)»⁷⁵; «Решил ехать вновь на Север, поработать и вернуться через 3 года. <...> В настоящее время все препятствия разбиты. Еду, вернее, едем — я и Клава. Срок 3 года»⁷⁶; «Немножко еще подучусь у Вас в Ленинграде и подчитаю, а затем снова приеду сюда работать, хотя бы на год или два, чтобы разобраться во всем окончательно»⁷⁷.

Обсуждение

Материалом данной статьи послужил корпус писем, написанных студентами Богораза и Штернберга своим профессорам из поля за период от начала 1920-х годов до начала 1930-х годов (самые поздние письма — 1932 год)⁷⁸. Именно на этот период пришелся и расцвет ленинградской этнографической школы, сформировавшейся при Географическом институте и затем перешедшей вместе с ним под крыло ЛГУ, и создание в Ленинграде специального учебного заведения для коренных народов Севера (рабфак для северян при ЛГУ, северный факультет ЛИЖВЯ, затем ИНС). Этот период, кроме того, — время Комитета Севера (1924—1934)⁷⁹, который сформировал особые отношения между властью и ленинградскими этнографами. Кажется, что это совпадение важно.

73 Там же. Ед. хр. 398. Владимир Вецкактин — Владимиру Богоразу от 14 октября 1921 года.

74 СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. Ед. хр. 154. Юрий Крейнвич — Льву Штернбергу от 30 июня 1926 года.

75 СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 4. Ед. хр. 366. Кирилл Шавров — Владимиру Богоразу от 16 сентября 1929 года.

76 Там же. Ед. хр. 351. Александр Форштейн — Владимиру Богоразу от 8 апреля 1930 года.

77 Там же. Ед. хр. 398. Коля — Владимиру Богоразу от 6 апреля 1931 года.

78 Возможно, такая хронология объясняется какими-то неясными особенностями формирования архивного фонда.

79 Полное название — Комитет по содействию народностям северных окраин при ВЦИК СССР.

С одной стороны, Комитет Севера — это государственный орган при правительстве страны, который реально определял политику в отношении Севера и который призван был защищать интересы народностей, населяющие северные окраины, и способствовать их развитию. Комитет Севера должен был: а) представлять интересы коренных народов на всесоюзном и региональном уровне и осуществлять их защиту; б) содействовать развитию народностей северных окраин; в) способствовать тому, чтобы «строительство новой жизни неуклонно осуществлялось собственными силами северных народов» [Сергеев 1962: 77—78]. С другой стороны, состав и устройство этого органа имело важные особенности. Он был сформирован не только из «видных партийных деятелей», но и из людей, давно и хорошо знавших Север, таких как В.Г. Богораз, Л.Я. Штернберг, С.А. Бутурлин, С.В. Керцелли, Б.М. Житков, П.Е. Островских, много его изучавших и имевших ясное представление о том, как именно следует «содействовать народностям северных окраин», от кого и как их следует защищать, что им пойдет на пользу, а что может принести вред.

По своему устройству Комитет Севера имел двойственную природу: будучи государственной структурой, он одновременно строился как широкая общественная организация. Хотя в его штате в Москве было меньше десяти человек, Комитет организовал работу пяти постоянных комиссий, в работе которых участвовал широкий круг заинтересованных экспертов, организовал сеть местных отделений и «секторов» [Там же: 73—74]. Уже в 1924 году Комитет Севера привлек в качестве *основных* работников студентов этнографического отделения Ленинградского географического института [Там же: 74]. В результате в состав Комитета входили крупные ученые-североведы, а их студенты с самого начала ощущали себя сотрудниками этого органа.

В середине 1920-х годов Комитет Севера продвигал идею, что народности Севера должны быть особыми мерами защищены от эксплуатации со стороны местных купцов и злоупотреблений местной администрации и крупных этнических групп (русские, якуты, коми, китайцы и т.д.), а также от центральных организаций типа Госторга, Наркомзема, Союзпушнины и т.д. (см.: [Вахтин 1993: 19—24]). Кроме того, свою задачу Комитет видел в том, чтобы всесторонне изучать народности Севера, их социальную организацию и хозяйственное устройство, помогать им создавать свою собственную интеллигенцию, поднимать их культуру и хозяйство. Под эгидой Комитета Севера проводились многие экспедиции, в которых участвовали молодые ленинградские этнографы, разрабатывались письменности и учебники для народов Севера, именно Комитету принадлежала идея создать на Севере сеть «культурбаз» — форпостов культуры и новой власти. Из-за этой тесной связи Комитета и ленинградской этнографической школы (через личность Богораз) молодые этнографы ленинградской школы ощущали себя в поле экспертами по советской политике в отношении народов Севера, именно поэтому они постоянно подчеркивают свою особую связь с местными отделениями Комитета Севера.

Как мы показали, письма из поля позволяют увидеть кухню полевой этнографии не менее подробно, чем полевые дневники: они требуют от авторов хотя бы первичной рефлексии и формулировок, понятных адресатам. Важно, что письма в те времена были единственным инструментом «склеивания» этнографического сообщества учеников и учителей; письма выступали чем-то вроде «невидимой инфраструктуры», позволявшей молодым этно-

графам оставаться на связи, ощущать себя частью большого коллектива единомышленников⁸⁰.

Таким образом, ленинградская этнографическая школа направляла своих выпускников в экспедиции, снабдив их взаимосвязанными методологическими принципами. При этом такая взаимосвязь была не только гносеологической, но и этической, а также вполне прагматической. Стационарный метод (фактически именно он позже получил название «включенного наблюдения» (*participant observation*) в англоязычной антропологии) позволял получить глубокие знания об изучаемой группе, но одновременно предписывал определенный образ жизни. Об этом ясно писал С. Макарьев в известном учебнике по полевой этнографии, вышедшем под редакцией Богораза:

...для приезжего этнографа весьма важно сжиться с населением, завязать с ним интимные и личные связи, приобрести его доверие и, таким образом, найти доступ и подход к самым затаенным, сокровенным и тем более важным элементам человеческой жизни. Благоприятнее для работы этнографа, если он может занять определенное место в производстве, в культурной или служебной работе среди населения, сделаться учителем, кооператором, секретарем райсовета и т.д. И таким образом, явиться местным работником, а не только наблюдателем более или менее сторонним. Глубина этнографического наблюдения гораздо важнее, чем его ширина. Такой метод углубленного изучения тесного района называется стационарным методом, в отличие от разъездного [Макарьев 1928: 6—7].

Те же принципы включенности, участия в жизни исследуемой группы должны пониматься и как основа *миссионерской*, практической работы на благо народа, то есть составлять своего рода моральный кодекс:

Этнографическое обучение должно внушить этим работникам полное уважение к туземцу как к человеческой личности, жадное стремление подробно изучить условия его жизни и прежде всего туземный язык как необходимое средство общения и далее, готовность к слиянию с туземцами в условиях практической жизни и в процессе культурной работы [Богораз-Тан 1925: 47].

Этика, прагматика и наука оказываются неразделимы как для Богораза, так и для его учеников. Однако то, что было проверено на собственном опыте бывшими народниками, пришлось заново проверять их учениками в условиях неопределенности меняющейся послереволюционной России. Во многом эта проверка привела, повторим, не к пересмотру самих принципов, а к поиску нового баланса между ними.

В новых условиях стационарный метод предусматривал не только проживание в становищах и чумах, но и «культурную работу», занятость в органах власти, что создавало известное напряжение между осознанием собственной миссии и повседневной рутинной: культурная и административная работа необходима, но она часто не оставляет времени для собственно науки; с другой

⁸⁰ Заметим в скобках, что это не единственная функция писем: в то время Сибирь и Север управлялись фактически с помощью писем и телеграмм, составлявших едва ли не главный инфраструктурный элемент управления малонаселенными и удаленными территориями. В исследуемом корпусе писем много информации этого рода, в частности сведений о недостатках и ошибках в работе местных отделений Комитета Севера, адресованных Богоразу как одному из его руководителей.

стороны, без такой работы невозможны ни реализация миссии, ни долгое пребывание в поле.

Но и в новых условиях принципы школы сохраняли комплексную взаимосвязь. Создается впечатление, что на совещании 1929 года ученики Богораза были готовы отстаивать любой из принципов (даже те, на которые они жаловались в письмах), понимая, что при падении одного рассыплется вся конструкция.

Наверное, самой болезненной и опасной оказалась атака на этический комплекс школы, на принципы аскетизма и бессребреничества, выросшие из этики народников, поскольку эту атаку вела «пятая колонна». Уже в 1926 году оказалось, что студенты этноотделения отчетливо разделились на тех, кто принимал эти принципы и надеялся применить их в собственной научной работе, и тех, кто изначально не собирался становиться ни этнографом, ни «миссионером новой жизни» и вообще не предполагал ехать «на периферию». Уверенность Богораза, что «этнографическая молодежь не жметса в столицах. Вся ее работа и задача ее жизни лежит на окраинах Союза СССР»⁸¹, относилась не ко всем студентам. Это хорошо видно на примере протокола «сходки» студентов и преподавателей этнографического отделения географического факультета от 17 февраля 1926 года, на котором обсуждалась работа отделения за первое полугодие 1925/26 учебного года⁸². Присутствующие на сходке разделились на две части: те, кто поддерживал политику руководства отделения, и те, кто был против; последние обозначали себя как «левых». Основная претензия «левых» состояла в том, что отделение не дает им знаний, которые могли бы быть полезными для будущей «руководящей работы», то есть общественно-политических знаний, приобретя которые выпускники могли бы рассчитывать на хорошее место. Как формулировали сами «левые» студенты, «этнографическое образование не сможет студентов облагодетельствовать материально». Некий студент Дубов говорил: если мы будем работать «на местах», мы не поднимемся выше секретаря Волостного исполкома.

Здесь не место подробному анализу этого интереснейшего документа; суть конфликта четко сформулировал в заключительном выступлении Богораз:

Сейчас окраины Союза находятся в диких условиях... низовые аппараты мы должны в ближайшее время пополнить своими подготовленными силами, так как в настоящее время из-за неподготовленности их случаются различные государственные подлоги и растраты. Этнография есть наука общая, без которой страна обойтись не может⁸³.

Понятно, что и для него, и для председательствовавшего на этом собрании Штернберга мысль, что их студенты после окончания вуза не хотят «идти в народ», должна была звучать очень странно: ведь для них обоих весь смысл предпринятия был именно в работе ради «северных туземцев». Однако в «добровольную ссылку» на далекие северные окраины ехать хотели далеко не все.

81 СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Ед. хр. 174. Л. 15. Докладная записка Этноотделения Геофака ЛГУ.

82 Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7240. Оп. 13. Ед. хр. 1. Л. 221–231. Стенограмма-протокол студенческой сходки этнографического отделения географического факультета.

83 Там же. Л. 229.

Таким образом, наиболее опасный удар по комплексу принципов школы Богораза был нанесен со стороны этики. Именно поэтому, наверное, этическим заветам уделялось такое внимание в письмах тех, кто хотел называть себя учениками Богораза или Штернберга. Пытаться заработать на науке — неприлично. Делец и торговец — ругательство. Искать личную выгоду — стыдно. Стыдно хотеть «излишнего» комфорта, бояться трудностей, стыдно выбирать место экспедиции исходя из финансовых соображений, стыдно беспокоиться об удобствах, стыдно не думать о важности того или иного места или группы для науки и о пользе, которую можно там принести. То же — с готовностью жертвовать личным комфортом, и даже рисковать жизнью для выполнения научной задачи⁸⁴. Вся переписка полна свидетельств того, что это — важнейший различительный признак: тех, кто думает иначе, не считали «своими». (Интересно, что, как мы знаем теперь, наибольших результатов в науке добились как раз те ученики Богораза и Штернберга, кто следовал этическим заветам школы, поскольку при нарушении этических правил все остальные «заповеди» теряли смысл.)

Заключение

Подведем некоторые итоги.

1. Богораз считал, что студенты должны отправиться на Север в «добровольную ссылку» — подобно тому, как сам он и его товарищи ехали на Север вынужденно. Думается, что центральное различие здесь не столько в добровольности, сколько в отношениях к центральной власти. Если Штернберг, Богораз и их товарищи, отправляясь в ссылку, были *узниками* царской власти, то их студенты, отправляясь на Север в 1920-е годы, ощущали себя *посланцами* новой — именно центральной — власти (ср. позицию Франсин Хирш в вопросе об взаимоотношениях советской власти и этнографов: [Хирш 2022], особенно в главе 3). Отсюда все различия в положении учителей и учеников, сложные отношения последних с местными властями и их двойственное отношение к административной составляющей их работы — как к долгу и как к обузе одновременно.

2. Если у поколения учителей в ссылке было очень много свободного времени, ученики, поехав в поле, попали в совершенно иную ситуацию, оказались включены в решение огромного числа насущных задач, которые они могли считать важными или не важными, но которые им в любом случае приходилось решать. Научная работа в поле на средства Комитета Севера была невозможна без дополнительного финансирования — от Госторга, от местных органов власти, а за это финансирующие органы требовали огромной дополнительной работы, что отнимало массу времени.

3. Поколение учителей ехало в поле, и там под воздействием обстоятельств они становились этнографами: по сути, они учились этнографии в поле и там же составляли программы исследований. Их ученики, напротив, сначала получили основы научных этнографических знаний и лишь потом отправлялись в поле

84 Именно в готовности рисковать чужими жизнями во имя науки обвиняла Богораза в своем письме от 13 августа 1929 года мать Наталии Котовщиковой, погибшей от цинги в экспедиции на Ямале.

(где программы исследований могли, конечно, корректироваться и дорабатываться). Иначе говоря, если учителя формулировали свои научные задачи сами, то их ученики в гораздо большей степени работали коллективно: их задачи во многом определялись общими интересами Комитета Севера, а значит, и школы, что несомненно способствовало формированию и укреплению этой школы.

4. И учителя, и ученики работали с изучаемым населением «стационарно». Но если поколение учителей не выбирало такой метод работы, хотя и оценило его преимущества, то поколение учеников уже сознательно считало такой способ работы единственно правильным. То же касалось и обязательного знания языков изучаемых народов, хотя к началу 1930-х годов языковая ситуация на Севере уже начала заметно меняться.

5. И тех, и других объединяет характерный для демократических кругов конца XIX — начала XX века этос служения народу, стремление не к личной выгоде, а общественному благу. Именно это, с их точки зрения, отделяло своих от чужих. Работа в науке (и в поле) обоими поколениями воспринималась не только как долг перед наукой, но и как долг перед народом. Обоим поколениям было свойственно уважительное и сочувственное отношение к изучаемым группам.

Как мы старались показать в этой статье, создателям этнографического образования в Петрограде/Ленинграде и тем их студентам, которые осознанно шли получать это образование в Географическом институте или на геофаке ЛГУ, пришлось на практике искать новый баланс науки и прагматики, мессианства и администрирования, идеалов и реальности. В той или иной пропорции все пять принципов школы соблюдались, школа бурно развивалась, и полевые исследования приносили прекрасные результаты. В итоге эта этнографическая школа рухнула не в результате внутренних напряжений, а по внешним «обстоятельствам непреодолимой силы»: из-за репрессий 1937 года и трагедии войны и блокады Ленинграда.

Приложение.

Ученики Штернберга и Богораза — авторы писем

Бауэрман Константин Иванович (1890—1941) — этнограф, административный работник. Жил среди коряков камчатского села Парень с 1929 по 1932 год, организовал там кооператив, школу и кузнечную мастерскую. Известна одна его статья (Советский Север. 1934. № 2. С. 70—78). <https://arch2.iofe.center/person/4151>

Богданова (Серк) Нина Алексеевна (1904—1966) — этнограф, языковед, преподаватель Хабаровского государственного педагогического института; автор учебников корякского и чукотского языков. <https://guides.rusarchives.ru/funds/75/bogdanova—n>

Василевич Глафира Макарьевна (1895—1981) — этнограф, языковед, специалист по эвенкам, сотрудник Музея антропологии и этнографии (МАЭ). <https://collection.kunstkamera.ru/entity/PERSON/3532261>

- Вербов** Григорий Давыдович (1909—1942) — этнограф, специалист по ненцам. С 1940 года — доцент филфака ЛГУ (кафедра этнографии). Погиб в июле 1942 года на Ленинградском фронте. https://ru.wikipedia.org/wiki/Вербов,_Григорий_Давыдович
- Вецкакгин** Владимир Яковлевич (1904—?) — этнограф, уже в 1923 году работал в Архангельской области и современном Ненецком автономном округе. Арестован в 1924 году, выслан сроком на 3 года. Впоследствии научный сотрудник Института антропологии и этнографии АН СССР [Батьянова 2020: 101].
- Дыренкова** Надежда Петровна (1899—1941) — тюрколог, научный сотрудник отдела этнографии Сибири. Погибла в блокаду.
- Иванов** Сергей Васильевич (1895—1986) — этнограф, специалист по изобразительному творчеству народов Севера. Сотрудник МАЭ с 1933 года и до конца жизни. Автор монументальной книги «Материалы по изобразительному искусству народов Сибири» (1954).
- Иванчиков** Владимир (Иванович?) (?—1932) — этнограф, окончил МГУ, затем ЛИЖВЯ, работал на Чукотке. Погиб при переправе через реку.
- Каргер** Нестор Константинович (1904—1943?) — этнограф, лингвист, работал на Амуре, на Енисее, активный участник Комитета нового алфавита, с 1931 года ученый секретарь НИА ИНС. В 1935 году арестован, выслан, завербовался на Ямальскую культбазу, затем работал в музее в Саратове. С началом войны ушел на фронт, сведений о нем нет с 1943 года. <https://collection.kunstkamera.ru/entity/PERSON/3611399>
- Козин** Сергей (?) (?—?) — работал на Чукотке уполномоченным по делам северных народов Райисполкома. Более о нем ничего не известно.
- Коля** (?—?) — видимо, родственник Богораза, закончил Географический институт, этнограф, работал в Таджикистане.
- Крейнович** Ерухим (Юрий) Абрамович (1906—1985) — этнограф, лингвист, один из крупнейших специалистов по нивхскому, юкагирскому и кетскому языкам. Арестован в 1937 году (осужден на 10 лет) и повторно в 1948 году. После освобождения работал в Институте языкознания в Ленинграде. <https://iling.spb.ru/persons/kreynovich-yurij-abramovich>
- Лядов** И. (?—?) — о нем ничего не известно.
- Макарьев** Степан Андреевич (1895—1937) — этнограф, специалист по вепсам. Заместитель редактора журнала «Этнограф-исследователь», автор книги «Полевая этнография» (1929). С 1931 года заместитель директора Карельского НИИ (Петрозаводск). В 1937 году арестован, расстрелян. <http://illhportal.krc.karelia.ru/section.php?plang=r&id=1378>
- Мельников** Г.И. (?—?) — лингвист, этнограф, специалист по корякам и корякскому языку.
- Мельникова** Валентина (?—?) — о ней ничего не известно.
- Мыльникова** (Форштейн) Клавдия Михайловна (1899—?) — этнограф, исследователь фольклора и языка нанайцев, вышла замуж на А.С. Форштейна, в 1934—1937 годах сотрудник МАЭ. В 1937 году, после ареста мужа, отчислена за то, что «в недостаточной степени выявила свое научное лицо» [Хасанова 2002: 104].
- Молл** Павел Юльевич (1904—1932) — этнограф, погиб в экспедиции на Чукотке.
- Орлова** Елизавета Порфирьевна (1899—1976) — этнограф, исследователь культуры ительменов, коряков, эвенов, алеутов и др., создатель алфавитов и букварей. Работала в Арктическом институте, в Российском этнографическом музее, с 1961 года — сотрудник Института экономики и организации производства Сибирского отделения АН СССР. <http://bezheck.tverlib.ru/node/23303>

- Попов** Андрей Александрович (1902—1960) — этнограф, с 1929 года — сотрудник МАЭ, в 1944—1947 годах — заведующий сектором Сибири, специалист по народам Якутии. <https://collection.kunstkamera.ru/entity/PERSON/3525920?query=Попов&index=0>
- Прокофьев** Георгий Николаевич (1897—1942) — этнограф, специалист по народам Западной Сибири, работал вместе с женой Елизаветой Порфирьевной на культбазе в поселке Янов Стан. Погиб в блокаду. https://ru.wikipedia.org/wiki/Прокофьев,_Георгий_Николаевич
- Серк** Николай Юльевич (1898—1938) — этнограф, какое-то время был сотрудником МАЭ, затем работал в Хабаровске. Арестован в 1937 году, расстрелян.
- Спирidonov** Николай Иванович (1906—1938) — один из первых представителей народов Севера, получивший высшее образование. Известен также как первый юкагирский писатель Теки Одулок. Арестован в 1937 году, расстрелян. <https://gaipon.info/press-tsentr/personalii/teki-odulok/>
- Стебницкий** Сергей Николаевич (1906—1941) — лингвист, этнограф, создатель корякской письменности, организатор первых корякских школ. Работал в ИНСе, в ЛИФЛИ. Погиб на фронте. <https://collection.kunstkamera.ru/entity/PERSON/3906134?query=Стебницкий&index=0>
- Форштейн** Александр Семенович (1904—1968) — лингвист, этнограф, специалист по Чукотке. Работал в ИНСе, с 1933 года — в МАЭ. В 1937 году арестован, осужден на 10 лет лагерей, после освобождения в науку не вернулся. <https://bessmertnybarak.ru/books/person/52091/>
- Чернецов** Валерий Николаевич (1905—1970) — этнограф, археолог, специалист по финно-угорским народам (манси). В 1928—1929 годах был в годовой экспедиции Комитета Севера на север Ямала. Работал с ИНСе и в МАЭ, с 1940 года — в Москве, в Институте истории мировой культуры. <https://archaeolog.ru/ru/about/istoriya-v-licah/chernecov->
- Шавров** Кирилл Борисович (1899—1940) — этнограф, редактор, писатель. В 1924 году сослан, работал на Дальнем Востоке. Арестован в 1937 году, умер в заключении. <https://naenpri.ru/entsiklopediya/shavrovkirillborisovich>
- Шнакенбург** Николай Борисович (1907—1941) — этнограф, работал на Чукотке, с 1934 года — аспирант МАЭ. Погиб на Ленинградском фронте. <http://www.polarpost.ru/forum/viewtopic.php?f=8&p=64597>
- Шпринцин** Ноэми Григорьевна (1904—1963) — этнограф, американист, работала в МАЭ. <https://bioslovhist.spbu.ru/person/3712-sprincin-noemi-grigorevna.html>

Библиография / References

[Алымов, Арзютов 2014] — *Алымов С.С., Арзютов Д.В.* Марксистская этнография за семь дней: совещание этнографов Москвы и Ленинграда и дискуссии в советских социальных науках в 1920—1930-е годы // *От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5—11 апреля 1929 г.)* / Под ред. Д.В. Арзютова, С.С. Алымова,

Д.Дж. Андерсона. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 21—90.

(*Alymov S.S., Arzyutov D.V.* Marksistskaya etnografiya za sem' dney: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada i diskussii v sovetskikh sotsial'nykh naukakh v 1920—1930-e gody // *Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5—11 aprelya 1929 g.)* / Ed. by D.V. Arzyutov, S.S. Alymov,

- D.G. Anderson. Saint Petersburg, 2014. P. 21—90.)
- [Арзютов, Кан 2013] — *Арзютов Д.В., Кан С.А.* Концепция поля и полевой работы в ранней советской этнографии // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 45—68.
- (*Arzyutov D.V., Kan S.A.* Kontsepsiya polya i polevoy raboty v ranney sovetskoj etnografii // Etnograficheskoe obozrenie. 2013. No. 6. P. 45—68.)
- [Батьянова 2020] — *Батьянова Е.П.* Алтайская этнография в письмах // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2020. № 1 (42). С. 99—111.
- (*Bat'yanova E.P.* Altajskaya etnografiya v pis'makh // Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2020. No. 1 (42). P. 99—111.)
- [Богораз-Тан 1924] — *Богораз-Тан В.Г.* Предисловие // Старый и новый быт / Ред. В.Г. Богораз-Тан. Л.: ГИЗ, 1924. С. 5—7.
- (*Bogoraz-Tan V.G.* Predislovie // Staryj i novyj byt / Ed. by V.G. Bogoraz-Tan. Leningrad, 1924. P. 5—7.)
- [Богораз-Тан 1925] — *Богораз-Тан В.Г.* Подготовительные меры к организации малых народностей // Северная Азия. 1925. № 3. С. 40—50.
- (*Bogoraz-Tan V.G.* Podgotovitel'nye mery k organizatsii malykh narodnostej // Severnaya Aziya. 1925. No. 3. P. 40—50.)
- [Богораз 2014] — *Богораз В.Г.* Стационарный метод в полевой этнографии // От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5—11 апреля 1929 г.) / Под ред. Д.В. Арзютова, С.С. Алымова, Д.Дж. Андерсона. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 254—265.
- (*Bogoraz V.G.* Statsionarnyj metod v polevoy etnografii // Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5—11 aprelya 1929 g.) / Ed. by D.V. Arzyutov, S.S. Alymov, D.G. Anderson. Saint Petersburg, 2014. P. 254—265.)
- [Вахтин 1993] — *Вахтин Н.Б.* Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб.: Изд-во Европейского дома, 1993.
- (*Vakhtin N.B.* Korennoe naselenie Kraynego Severa Rossiyskoj Federatsii. Saint Petersburg, 1993.)
- [Вахтин 2005] — *Вахтин Н.Б.* Тихоокеанская экспедиция Джесуа и ее русские участники // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 241—274.
- (*Vakhtin N.B.* Tikhookeanskaya ekspeditsiya Dzhesura i ee russkie uchastniki // Antropologicheskij forum. 2005. No. 2. P. 241—274.)
- [Вахтин 2016] — *Вахтин Н.Б.* «Проект Богораза»: борьба за огонь // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 125—141.
- (*Vakhtin N.B.* "Proekt Bogoraza": bor'ba za ogon' // Antropologicheskij forum. 2016. No. 29. P. 125—141.)
- [Вахтин 2023] — *Вахтин Н.Б.* У истоков североведческого образования в Петербурге: созидатели в эпоху interregnum // Сибирские исторические исследования. 2023. № 1. С. 64—95.
- (*Vakhtin N.B.* U istokov severovedcheskogo obrazovaniya v Peterburge: sozidateli v epokhu interregnum // Sibirskie istoricheskie issledovaniya. 2023. No. 1. P. 64—95.)
- [Вдовин 1991] — *Вдовин И.С.* В.Г. Богораз-Тан — ученый, писатель, общественный деятель (К 125-летию со дня рождения) // Советская этнография. 1991. № 2. С. 82—92.
- (*Vdovin I.S.* V.G. Bogoraz-Tan — uchenyy, pisatel', obshchestvennyy deyatel' (K 125-letiyu so dnya rozhdeniya) // Sovetskaya etnografiya. 1991. No. 2. P. 82—92.)
- [Гаген-Торн 1971] — *Гаген-Торн Н.И.* Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (у истоков советской этнографии) // Советская этнография. 1971. № 2. С. 134—145.
- (*Gagen-Torn N.I.* Leningradskaya etnograficheskaya shkola v dvadtsatye gody (u istokov sovetskoy etnografii) // Sovetskaya etnografiya. 1971. No. 2. P. 134—145.)
- [Гаген-Торн 1994] — *Гаген-Торн Н.И.* Мемория / Сост., предисл., послесл. и примеч. Г.Ю. Гаген-Торн. М.: Моск. ист.-лит. о-во «Возвращение», 1994.
- (*Gagen-Torn N.I.* Memoria / Comp., introd., forew., and notes by G.Yu. Gagen-Torn. Moscow, 1994.)
- [Кан 2023] — *Кан С.* Лев Штернберг: этнолог, народник, борец за права евреев / Пер. с англ. А. Глебовской. Бостон; СПб.: Academic Studies Press; Библиороссика, 2023.
- (*Kan S.* Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist. Boston; Saint Petersburg, 2023. — In Russ.)
- [Кононов, Иорш 1977] — *Кононов А.Н., Иорш И.И.* Ленинградский Восточный институт. Страница истории советского востоковедения. М.: Наука, 1977.
- (*Kononov A.N., Iorish I.I.* Leningradskiy Vostochnyy institut. Stranitsa istorii sovetskogo vostokovedeniya. Moscow, 1977.)
- [Кузнецов 2018] — *Кузнецов И.В.* Счет зим. Вымирание коренных американцев и антропология спасения: В 3 т. Краснодар: Изд-во Кубанского университета, 2018.

- (Kuznetsov I.V. Schet zim. Vymiranie korennykh amerikantsev i antropologiya spaseniya: In 3 vols. Krasnodar, 2018.)
- [Лукашевич 1919] — *Лукашевич И.Д.* Краткий очерк возникновения Высших Географических Курсов, их деятельности и преобразования их в Географический Институт // Известия Географического института. Вып. 1. Пг., 1919. С. 38—66.
- (Lukashevich I.D. Kratkiy ocherk vozniknoveniya Vysshikh Geograficheskikh Kursov, ikh deyatel'nosti i preobrazovaniya ikh v Geograficheskii Institut // Izvestiya Geograficheskogo instituta. Iss. 1. Petrograd, 1919. P. 38—66.)
- [Лярская 2016] — *Лярская Е.В.* «Ткань Пенелопы»: «проект Богораза» во второй половине 1920-х — 1930-х гг. // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 142—186.
- (Lyarskaya E.V. "Tkan' Penelopy": "proekt Bogoraza" vo vtoroy polovine 1920-kh — 1930-kh gg. // Antropologicheskii forum. 2016. No. 29. P. 142—186.)
- [Макарьев 1928] — *Макарьев С.А.* Полевая этнография. Краткое руководство и программы для сбора этнографических материалов в СССР / Под ред. В.Г. Богораза-Тана. Л.: Этнограф. экскурс. комис. Этноотд-ния Геофака ЛГУ, 1928.
- (Makar'ev S.A. Polevaya etnografiya. Kratкое rukovodstvo i programmy dlya sbora etnograficheskikh materialov v SSSR / Ed. by V.G. Bogoraz-Tan. Leningrad, 1928.)
- [Михайлова 2004] — *Михайлова Е.А.* Владимир Германович Богораз: ученый, писатель, общественный деятель // Выдающиеся отечественные этнографы и антропологи XX века / Отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 95—136.
- (Mikhaylova E.A. Vladimir Germanovich Bogoraz: uchenyy, pisatel', obshchestvennyy deyatel' // Vydayushchiesya otechestvennyye etnografy i antropologi XX veka / Ed. by V. A. Tishkov and D.D. Tumarkin. Moscow, 2004. P. 95—136.)
- [Мочалова 2024] — *Мочалова М.А.* Производство знания и наследия как борьба с неопределенностью: кейс коренных народов Таймыра в 1920-е—1930-е гг. // Сибирские исторические исследования. 2024. № 1. С. 139—165.
- (Mochalova M.A. Proizvodstvo znaniya i naslediya kak bor'ba s neopredelennost'yu: keys korennykh narodov Taymyra v 1920e—1930e gg. // Sibirskie istoricheskie issledovaniya. 2024. No. 1. P. 139—165.)
- [От классиков к марксизму 2014] — От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5—11 апреля 1929 г.) / Под ред. Д.В. Арзютова, С.С. Алымова, Д.Дж. Андерсона. СПб.: МАЭ РАН, 2014.
- (Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5—11 aprelya 1929 g.) / Ed. by D.V. Arzyutov, S.S. Alymov, D.G. Anderson. Saint Petersburg, 2014.)
- [Сергеев 1962] — *Сергеев М.А.* Комитет содействия народностям северных окраин // Летопись севера. Т. 3. М.: Мысль, 1962. С. 72—81.
- (Sergeev M.A. Komitet sodeystviya narodnostyam severnykh okrain // Letopis' severa. Vol. 3. Moscow, 1962. P. 72—81.)
- [Сирина 2010] — *Сирина А.А.* Письма В.Г. Богораза из Сибиряковской экспедиции // Этнографическое обозрение. 2010. № 2. С. 138—149.
- (Sirina A.A. Pis'ma V.G. Bogoraza iz Sibiryakovskoy ekspeditsii // Etnograficheskoe obozrenie. 2010. No. 2. P. 138—149.)
- [Слезкин 1993] — *Слезкин Ю.* Советская этнография в нокдауне: 1928—1938 // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 113—125.
- (Slezkin Yu. Sovetskaya etnografiya v nokdaune: 1928—1938 // Etnograficheskoe obozrenie. 1993. No. 2. P. 113—125.)
- [Соловей 2018] — *Соловей Т.Д.* От «буржуазной» этнологии к «марксистской» этнографии: стратегии продвижения марксистской ортодоксии в раннесоветский период // Исторические исследования. 2018. № 11. С. 160—178.
- (Solovey T.D. Ot "burzhuznoy" etnologii k "marksistskoy" etnografii: strategii prodvizheniya marksistskoy ortodoksii v rannesovetskiy period // Istoricheskie issledovaniya. 2018. No. 11. P. 160—178.)
- [Хасанова 2002] — *Хасанова М.М.* Негидальская коллекция К.М. Мьельниковой в собрании МАЭ // Музей. Традиции. Этничность. XX—XXI век. СПб.; Кишинев: Нестор-история, 2002. С. 101—105.
- (Khasanova M.M. Negidal'skaya kolleksiya K.M. Myl'nikovoy v sobranii MAE // Muzey. Traditsii. Etnichnost'. XX—XXI vek. Saint Petersburg; Kishinev, 2002. P. 101—105.)
- [Хирш 2022] — *Хирш Ф.* Империя наций. Этнографическое знание и формирование Советского Союза / Пер. с англ. П. Ибатуллина. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
- (Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Moscow, 2022. — In Russ.)
- [Krupnik, Vakhtin 2003] — *Krupnik I., Vakhtin N.* The Aim of the Expedition... Has in the Main Been Accomplished. Words, Deeds, and

- Legacies of the Jesup expedition, 1897—1902 // *Constructing cultures then and now: Celebrating Franz Boas and the Jesup North Pacific Expedition* / Ed. by L. Kendall, I. Krupnik. Washington: Arctic Studies Center, 2003. P. 15—31.
- [Liarskaya, Dudeck In press] — *Liarskaya E., Dudeck S.* “Early Soviet Arctic Social Studies and Ideas of “Saving” — Practices and Contradictions in Relations with Peoples of the North” // *Anthropology of Siberia in the Making: Openings and Closures from the 1840s to the Present* / Ed. by V. Vaté, J.O. Habeck. LIT Verlag. (In press.)
- [Martin 2001] — *Martin T.* *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923—1939.* Ithaca; London: Cornell University Press, 2001.
- [Vakhtin In press] — *Vakhtin N.* “Human Culture is, in Essence, a Unified Whole”: Should we call Bogoraz an evolutionist? // *Anthropology of Siberia in the Making: Openings and Closures from the 1840s to the Present* / Ed. by V. Vaté, J.O. Habeck. LIT Verlag. (In press.)